

Научная статья

JEL: K00

УДК: 340.5

DOI:10.17323/2072-8166.2025.1.4.26

Право как социокультурное явление: гармонизация на основе принципа гуманизма

Игорь Вячеславович Левакин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000 Москва, Мясницкая ул., 20,

ilevakin@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7088-6263>

Аннотация

Социокультурный подход, синтезирующий правовые и культурологические знания на основе современного прочтения принципа гуманизма, актуализирует проблему гармонизации определяющих характеристик права, сформировавшихся в различные исторические периоды развития обществ/цивилизаций. Рассмотрение права с точки зрения единства социальности и культуры, созданных и преобразуемых общественной практикой, позволяет выявить, сблизить и согласовать представления разнообразных сообществ о праве и человеке, способствовать межцивилизационному диалогу. Целью данной работы является интерпретация (истолкование, разъяснение) права в качестве социокультурного явления для поиска взаимоприемлемой основы гармонизации его характеристик, обусловленных спецификой жизни разнообразных социумов, с вариативностью присущих им идей, ценностей, норм и институтов. Приближение к данной цели осуществляется за счет последовательного решения задач по выявлению главных социокультурных особенностей, смыслов, традиций права, сложившихся в практике условных доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных сообществ: цивилизационный подход сочетается с универсальной типологией, главным образом учитывающей особенности экономического развития. В качестве основного методологического подхода использована генерализация (от лат. *generalis* — «общий, главный») — метод выделения однородных характеристик права, присущего тому или иному типу сообщества. Для обнаружения взаимоприемлемой основы гармонизации характеристик права доиндустриальных, индустриальных и постинду-

стриальных сообществ применен метод социокультурного анализа, учитывающий исследовательские принципы исторического и логического, позволяющий рассматривать право в качестве элемента соответствующей социокультурной среды. В результате исследования подтверждено, что современные международные акты, либеральные конституции и национальное законодательство не в должной мере решают проблемы столкновения социокультурных образований («цивилизаций»). Сделан вывод о том, что недостатки современного права во многом обусловлены непоследовательностью правоприменения в отстаивании гуманистических ценностей, их подменой политическими и/или экономическими интересами. Гармонизация конфликтных характеристик права разнообразных социумов на основе выработки и реализации общепризнанных норм не может обеспечиваться исключительно благими пожеланиями деклараций, необходимо императивно-принудительное исполнение требования уважения «жизни, свободы и личной неприкосновенности» каждого человека.

Ключевые слова

право; социокультурный подход; цивилизация; религия; социально-экономическое развитие; диалог; гуманизм; гармонизация.

Для цитирования: Левакин И. В. Право как социокультурное явление: гармонизация на основе принципа гуманизма // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Том 18. №1. С. 4–26. DOI:10.17323/2072-8166.2025.1.4.26

Legal Thought: History and Modernity

Research article

Law as a Socio-cultural Phenomenon: Harmonization on Basis of the Principle of Humanism

Igor V. Levakin

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow 101000, Russia,

ilevakin@hse.ru, ORCID: 0000-0001-7088-6263

Abstract

The socio-cultural approach, which synthesizes legal and cultural knowledge on the basis of a modern understanding of the principle of humanism, actualizes the problem of harmonizing the defining characteristics of law, formed in different historical periods of development of societies/civilizations. Analysis of law from the point of view of the unity of sociality and culture, created and transformed by social practice, makes it possible to define, connect and harmonize the ideas of different communities about law and humanity, and promote inter-civilizational dialogue. The purpose of this work

is to interpret (clarify, explain) law as a socio-cultural phenomenon in order to search a mutually acceptable basis for harmonizing its characteristics, determined by the specifics of life in different societies, with their inherent diversity of ideas, values, norms and institutions. The achievement to this purpose is realized through the consistent solution of tasks to identify the main socio-cultural features, meanings and traditions of law, developed in the practice of conventional pre-industrial, industrial and post-industrial communities: civilizational approach is combined with a universal typology, mainly taking into account the peculiarities of economic development. Generalization (Latin: *generalis* — “general, main”) — a method of identifying homogeneous characteristics of law inherent in a particular type of community, it was used as the main methodological approach in this research. Searching a mutually acceptable basis for harmonizing the characteristics of law of pre-industrial, industrial and post-industrial communities, was applied the method of socio-cultural analysis, taking into account the research principles of historical and logical, allowing us to consider law as an element of the relevant socio-cultural environment. As a result of the research, it was confirmed that modern international legal acts, liberal constitutions and law of national states do not adequately address the issues of the conflict of socio-cultural formations (“civilizations”). It is concluded the shortcomings of modern law are largely due to the inconsistency of law enforcement in upholding humanistic values, their substitution by political and/or economic interests. It is concluded that the shortcomings of modern law are largely due to the inconsistency of law enforcement in defending humanistic values, their substitution by political and/or economic interests. Harmonization of conflict characteristics of the law of diverse societies on the basis of the development and implementation of universally recognized norms can not be provided solely by good wishes of declarations, it is necessary to imperatively enforce the requirement of respect for the “life, freedom and personal integrity” of each person.

Keywords

law; socio-cultural approach; civilization; religion; socio-economic development; dialogue; humanism; harmonization.

For citation: Levakin I.V. (2025) Law as Socio-cultural Phenomenon: Harmonization on Basis of the Principle of Humanism. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no. 1, pp. 4–26 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2025.1.4.26

Введение

Актуален социокультурный подход, обусловленный необходимостью антропологического поворота в праве через синтез культурологических и юридических знаний, предполагающий видение правовой картины мира с различных мировоззренческих позиций, согласуемых на основе современного прочтения принципа гуманизма. Рассмотрение права с точки зрения единства социальности и культуры, созданных и постоянно преобразуемых общественной практикой, позволяет гармонизировать (сблизить, согласовать) его определяющие характеристики, сформировавшиеся в различные пе-

риоды развития самобытных сообществ, способствовать межцивилизационному диалогу, построенному на общепризнанных нормах, стандартах поведения. Охарактеризовать генетические (наследуемые), цивилизационные черты права, сложившиеся под многофакторным (социально-экономическим, культурно-религиозным и пр.) воздействием, в том числе означает выявить закономерности, способствующие гармонизации его основных характеристик.

Характеристики права как явления культуры так же многообразны, как и конкретно-исторические социумы, в которых они сложились «спонтанно» [Эрлих О., 2011: 585, 654]; плодотворные идеи диалога цивилизаций имеют юридическое измерение, подразумевающее потенциал мирной гармонизации объективно сформированных особенностей, смыслов, традиций права. В то же время можно констатировать, что «юридическое конституирование в рамках ... обособленных этноконфессиональных и этнокультурных групп, живущих по своим собственным законам»¹, в большинстве стран терпит неудачу. Для уяснения причин конфликтности правовых представлений и практик «наивысших культурных общностей» [Хантингтон С., 2003: 51] необходимо рассматривать право инклюзивно, т.е. в качестве многомерного социокультурного феномена, включенного в реальные, в том числе господствующие, экономические отношения (аграрные, индустриальные, постиндустриальные), обратиться к основам социального регулирования (нормам, правилам, регуляторам, соционормативной системе в целом), опирающимся на ценности, религиозно-этические и др. представления, во взаимодействии с которыми определяются и проявляются характеристики права. Так, помимо прочего, мы сможем проникнуть «в правовое мышление с целью новой интерпретации правовых идей» для гармонизации культурно-цивилизационных характеристик права².

В юридическом мировоззрении право выступает в качестве автономного, почти идеального инструмента, определяющим образом влияющего на социум, обеспечивая его согласованное функционирование. Это совсем не так, например, синкретические регуляторы (продукт нерасчлененных сфер и явлений культуры), мононормы, объединяющие религию, этику и право, долгое историческое время были превалярующими, их влияние далеко не элиминировано.

¹ Зорькин В.Д. Нам предстоит найти работающие концепции интеграции этносообществ в государство. Available at: <https://www.rg.ru/2011/09/07/zorkin-site.html> (дата обращения: 15.09.2024)

² Фримэн М. Право и социология. Л., 2005, pp. 1–15. Available at: <https://clck.ru/3CfKN7> (дата обращения: 15.09.2024)

Сегодня в самых вестернизированных сообществах расширяются представления, антагонистские правам и свободам личности или равноправию индивидов. Иррациональность (мифы, религия), господствующая в «иных» сообществах, порой лишь формируются юристами европейской школы под привычный понятийный аппарат. Тем не менее отсутствие, например, в архаических культурах наших далеких предшественников или «современных предков» абстрактных правовых формул и/или обязательной для последователей великого Римского наследия системы знаков, которыми описываются и при помощи которых исследуются юридические явления, не лишает возможности диалога, предполагающего поиск смыслов и связей между отношениями людей, проявленными в феноменах альтернативных, немодернизированных культур и привычной университетскому правоведу «западной традицией права»³.

Интерпретации права в качестве социокультурного явления, присущего различным видам сообществ, цивилизаций и культур, требует использования идейного багажа, накопленного социологией права, юридической антропологией, психологией, конфликтологией, историей правовых учений и другими научными дисциплинами⁴. Тема междисциплинарного диалога поистине безгранична, включает глобалистику, политологические, расовые, гендерные, кросскультурные и другие исследования. Вступая на широкий путь междисциплинарности, мы доверяемся научной интуиции: ссылки на те или иные идеи или игнорирование таковых всегда спорны, более того, факты могут быть истолкованы и пересмотрены с альтернативных мировоззренческих позиций. Ограниченный объем статьи также предлагает обращение к опыту Кембриджской школы интеллектуальной истории, помимо прочего проповедующей необходимость помещения всем известных текстов в контекст забытой сегодня литературы времени написания классики, а также источников, на которые опирались ныне канонизированные научные авторитеты [Скиннер К., 2001: 123–141]. Понятно, что такой труд под силу только заинтересованному исследователю, но очевидно и то, что статьи, подобные этой, читают только специалисты или стремящиеся стать таковыми.

Итак, целью данной работы является интерпретация (истолкование, разъяснение) права как социокультурного явления с целью поиска взаимоприемлемой основы для гармонизации его характери-

³ См.: Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. 624 с.

⁴ См.: Шпенглер О. Закат Европы. М., 2025. 237 с.; Тойнби А. Постижение истории. М., 2001. 640 с.

стик, обусловленных спецификой жизни разнообразных сообществ и присущими им идеями, ценностями, нормами и институтами. Приближение к данной цели осуществляется за счет последовательного выявления главных социокультурных особенностей и смыслов права, сложившихся в практике условных доиндустриальных, индустриальных и постиндустриальных сообществ. В качестве основного методологического подхода используется генерализация (от лат. *generalis* — «общий, главный») — метод выделения однородных характеристик права, присущих тому или иному типу сообщества. Применяется социокультурный анализ, учитывающий исследовательские принципы исторического и логического, что позволяет рассматривать право как элемент соответствующей социокультурной среды. Классификация главных характеристик права по критерию степени индустриальности общества, дополненная цивилизационными признаками (связями с религией и обычаями), не претендует на единственную «правильность»; она лишь помогает идентифицировать отличительные черты права «иных» сообществ и культур.

Также следует принять за отправную аксиому, что «живое» право не является механическим набором формальных правил, но динамичной системой, отражающей и формирующей общественные отношения; способствуя интеграции различных культур и цивилизаций, оно выполняет роль связующего звена между индивидуальными и коллективными интересами, обеспечивая баланс свободы и ответственности. Исторически право выработало гибкость и способности к адаптации, учитывающие интересы разнообразных субъектов правоотношений. Право в качестве инклюзивного социокультурного явления, соответствующее определенному (доиндустриальному, индустриальному, постиндустриальному) уровню развития взаимосвязанных духовной и материальной культур, перманентно адаптируется в общественной среде путем гармонизации своих характеристик, противостоя девиациям, содействуя межцивилизационному диалогу, необходимому для выживания и прогресса человечества. Каждый этап нелинейного социально-экономического развития актуализирует наиболее адекватные институты, ценности, культурные установки, модели и типы мировоззрения⁵. При всех перспективных вариантах основных характеристик права важно, чтобы его эволюция вместе с обществом соответствовала принципу гуманизма, обеспечивая защиту тождества человека в любой социально-экономической и социокультурной среде.

⁵ Русская философия и социология права. Ростов н./Д, 2004. С. 11.

1. Право и человек в доиндустриальных сообществах

Доиндустриальные социумы — их еще называют простыми или аграрными⁶ — отличает домодернистское мышление (в передовых странах индустриальные революции произошли в конце XVIII века), в основном уповающее на мудрость, начало которой — «страх Господень» (Псалтирь, 110:10), т.е. священные предания, жития святых и пророков, религиозные тексты, формулирующие «вечные истины», а также здравый смысл общины: «Бог-то Бог, да и сам не будь плох»; «и языческие мудрецы определяют премудрость знанием вещей Божеских и человеческих»⁷.

Право еще не выделено из общего массива социальных регуляторов, значительной своей частью находится в ряду сакральных явлений и, как правило, выявляется через апелляцию к трансцендентному; на практике корректируется людьми, руководствующимися житейской необходимостью, проверенной веками циклического аграрного/натурального хозяйства и общинной жизни, «сублимирует следование опыту» [Небрятенко Г.Г., 2010: 10]. Социально-правовое регулирование чаще всего основано на сопряжении норм религиозных культов и обычного права: первые записи санкционированных публичной властью правил народного уклада жизни обеспечивали соответствие закона традиции. На холистические представления о праве решающее влияние оказывают этнокультурные, классовые (стратовые, кастовые) и прочие характеристики⁸. Могут практически полностью отсутствовать представления о свободах индивида, поскольку главными субъектами общения выступают коллективы: родовые общины, в дальнейшем — гильдии, цехи и т.п. Нормализованы различия в правовом статусе (основанные на гендере, родovitости, богатстве, др. привилегии), рабство, телесные наказания, кровная месть. Значительное внимание в рамках «особого типа семейной солидарности» уделяется обязанностям сражаться, вступать в брак, заботиться о своих родственниках и т.п. [Мальцев Г.В., 2012: 256].

Мысль правоприменителя (вождя, старейшины, судьи) следует соответствующей традиционной/религиозной культуре, интерпретирует ее догматы оригинальным образом: «... все люди при-

⁶ См.: Crone P. Pre-industrial societies anatomy of the pre-modern world. Oxford, 2015, 256 p.

⁷ Григорий Разумовский. / Толкование на группу стихов: Пс: 110: 10-10. Available at: <https://ekzeget.ru/bible/psaltir/glava-110/stih-10/> (дата обращения: 15.09.2024)

⁸ См.: Elwell F. Sociocultural systems: Principles of structure and change. Athabasca, 2013, 115 p.

знают какой-нибудь закон «не убей», и вопрос заключается в том, как прилагается этот закон» [Тайлор Э., 1882: 407]. Выживаемость и эффективность обычно-правовых систем проверена временем: на этнические и др. обычаи ссылаются современные гражданские кодексы, действующие в условной группе «западных» правовых семей; в ряде регионов земного шара (в невестернизированных частях Азии и Латинской Америки, правовых семьях стран Индокитая) судебные решения по-прежнему ориентированы на нормы обычного права, народную традицию, ритуалы; в правовых системах многих стран тропической Африки частноправовые отношения не развиты, в процессуальных отношениях распространена эклектика легистских и традиционных судов [Скакун О.Ф., 2008: 436–440]. В религиозных правовых системах все законы человеческие, как правило, не могут противоречить законам божественным, правосудие стремится к высшей справедливости, выявляемой знатоками неразрывных права и вероучения под контролем духовного лица⁹: *Homo sum et nil nisi divina lex—habet me*» (лат. «я человек и подчиняюсь лишь божественным законам») [Розанов В.В., 1997: 255–256]; верховный законодатель и судья — Бог: «един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить; а ты кто, который судишь другого?» (Иакова 4:12).

Человек доиндустриального общества ограничен природой, его бытию имманентны высокая смертность и рождаемость (много потомства — много работников и/или воинов); способы выживания, связанные с экстенсивной экономикой, строгими коллективистскими практиками: «Производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому» [Маркс К., 1968: 28]. Надежды сосредоточены на высших силах, отсюда все, что происходит с человеком, происходит по воле богов его народа: «Господь — упование мое» (Пс.90,9). Универсальные права человека не развиты (нет равной меры свободы), преобладают этнические и сословные права, «права-привилегии». Разумеется, нельзя оценивать доиндустриальные типы права по критериям современного правового социума. Например, даже крайняя форма отрицания достоинства человека, его личности и правового статуса, выражаемая в античном рабстве (*instrumentum vocale* — лат. «говорящее орудие»), являлась не столько следствием жестокости нравов, сколько вынужденной мерой приспособления натурального хозяйства, в котором сам хозяин жил не намного лучше раба. Все же всем следует помнить

⁹ См.: Конституция Исламской Республики Иран. Available at: <https://clck.ru/3DJCis> (дата обращения: 15.09.2024)

мысль древних: «Рабство существует по природе и только по природе и одни люди всюду рабы, даже если они свободны по закону, а другие никогда таковыми не бывают, даже если они обращены в рабство»¹⁰. Под такое понятие «раба» подпадает и крепостной крестьянин, и фабричный рабочий, и современный менеджер.

2. Право и человек в индустриальных сообществах

Индустриальное общество, или «общество индустриального прогресса» [Шумпетер Й.А., 2008: 366, 484] (в передовых странах с XVIII века до середины XX века) отличает мышление, основанное на убеждении «*scientia potentia est*» (лат. «знание—сила»): ««Западный рационализм» выражает ориентацию действия, а «современный капитализм» — институциональную форму» [Вагнер П., 2019: 216]. Рационализация жизни через освобождение от мифотворчества, религии, этничности, главенство идеи прогресса — определяющие черты модернистских социокультурных представлений.

Право эмансипировано от прочих социальных регуляторов, опирается на договорное начало — уже не боги, а люди диктуют правила общежития: законы принимаются от имени «источника власти» — народа-нации. Позитивное право и централизованное управление обеспечивают сложную систему общественного разделения труда, выступающего товаром и важнейшим элементом рыночной (капиталистической) или огосударствленной (социалистической) экономики. Публичное и частное право также все более специализируются, продуцируя актуальные отрасли, подотрасли, институты, нормы. Складывается социокультурная среда, где индивидуальные взаимодействия строятся по принципу конкуренции формально равных лиц, персональные особенности которых (этничность, пол, раса и пр.) не играют решающей роли. Иерархичная система правового регулирования предусматривает конституции, закрепляющие естественные права, в том числе на частную собственность (юснатурализм); нормативно-правовые акты, подобные инструкциям к сложным механизмам (нормативизм, легизм); «жизнь» права в административно-судебной практике, следующую за развитием социально-экономических отношений (социологическая онтология, правовой реализм) [Лапаева В.В., 2012: 38–63].

Правоприменение отражает идеи «юридического мировоззрения», формы познания мира, подменившей волю Бога волей го-

¹⁰ См.: Аристотель. Политика. Сочинения. Т. 4. М., 1983. С. 376–644.

сударства, священные писания — кодексами или сборниками прецедентов, служителей культа — юристами (толкователями и проводниками позитивного и «естественного» права). Суды отделяются от духовной, административной и прочих разновидностей публичной власти, манифестируют независимость, гласность, открытость и состязательность¹¹. Этнокультурные особенности учитываются, но не определяют правоприменение; провозглашается обеспечение прав личности на основе принципов «народного начала, независимости от политики и профессионализма» [Монтескье Ш., 1955: 78]. Однако, поскольку абстрактные понятия (юридические лица, права собственности и т.п.) отрываются от реальности, «юридический аргумент правоприменителя не может быть опровергнут ни моральным принципом, ни эмпирическим фактом» [Kalman L., 2016: 4]. Реальное право, сложная юридическая материя которого зачастую непонятна «профанам», во многом становится продуктом деятельности юридической корпорации, превращается в «адскую смесь следственных, прокурорских и судебных практик» (закон — сырье для судей) [Кардозо Б., 2017: 10].

Человек индустриального общества в идеале — это индивид, овладевший научными знаниями и передовыми средствами производства, инициативно распоряжающийся окружающим мирозданием и собой. Одаренный разумом и свободой воли, он способен творить, преображая Мир своей деятельностью; над человеком никто не властен, нет Абсолюта, которому он слепо поклоняется и просит милости. Развивающаяся система хозяйствования требует постоянного увеличения числа наемных трудящихся (отсюда «неконтролируемая» миграция), социум неуклонно движется к эмансипации прежде дискриминируемых женщин, расовых и прочих меньшинств. Личность провозглашается носителем врожденных, т.е. естественных прав: реализуется принцип универсального равенства всех граждан перед законом. Обязанности, занимавшие исходное и центральное место в патриархальных обществах, отходят на второй план. Вследствие смещения акцента с обязанностей на права и свободы индивид становится центром социальных отношений. У такого прогресса существует обратная сторона¹²: примат эгоистических, в основном материальных интересов субъекта договора зачастую ведет к добровольному

¹¹ См.: Указ Правительствующему сенату от 20.11.1864 / Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Available at: <https://www.prlib.ru/item/372590> (дата обращения: 15.09.2024)

¹² Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. 320 с.

превращению человека со всеми его мнимыми и реальными правами в винтик огромного бездушного механизма общества потребления, придаток машины (конвейера), разновидность капитала.

3. Право и человек в постиндустриальных сообществах

Постиндустриальность отличает период развития некоторых становящихся («грядущих») [Белл Д., 2004: 1], но в той или иной форме уже существующих сообществ, начавшийся с середины XX века и продолжающийся сейчас. Социальная философия связывает постиндустриальность и мышление постмодерна, специальный языковой аппарат которого преднамеренно отказывается от *ratio* (лат. разум), «презумпции возможности построения единой и системной концептуальной модели мира»¹³, а также отстаивает тезис культурного релятивизма.

Право нестабильно, формируется в экстерриториальных неформальных объединениях, ключевые структуры и деятельность их участников организованы вокруг электронных коммуникаций, внутри полуанонимной виртуальности. Привычные офлайн-формы социального взаимодействия: экономические, религиозные, политические и пр. облакаются в цифровую коммуникационную оболочку, приобретают характеристики, отражающие своеобразие искусственного мира: «С одной стороны, действует цифровой код, а, с другой стороны, отношения в сфере использования Интернета с учетом его архитектуры не поддаются привычному контролю как физические общественные отношения»¹⁴. Общение через Интернет обезличивает стороны: за аватаром (картинкой пользователя) может скрываться уже даже не человек, а, например, искусственный интеллект. Участник виртуального общения зависим «от принципов построения языка, от оков цивилизации, от правил и ограничений, от норм ... которые превращают субъекта в систему знаков, и благодаря таковой зависимости он теряет свою идентификацию с самим собой» [Усовская Э.А., 2006: 112]. Таким образом человек теряет субъектность, т.е. абсолютные права на существование в наличном бытии¹⁵.

¹³ История философии: энциклопедия. Минск, 2002. Available at: <https://clck.ru/37Ro68> (дата обращения: 15.09.2024)

¹⁴ Lessig L. The Law of The Horse. What Cyberlaw Might Teach. 1999. Available at: https://cyber.harvard.edu/works/lessig/LNC_Q_D2.PDF (дата обращения: 15.09.2024)

¹⁵ Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 407 с.

Процедуры правоприменения на всех стадиях ведения административных, гражданских, уголовных и прочих дел, дополняются информационными технологиями (процессы в онлайн-режиме; сопровождение подготовки, принятия и документального закрепления решений средствами информационных баз правовых актов с поддержкой искусственного интеллекта и т.д.)¹⁶. Юридический процесс становится все более механистичным, инструментальным и автономным: рациональности уделяется гораздо больше внимания, вплоть до того, что она «становится совершенно иррациональной» [Рицер Дж., 2011: 110]. На правоприменение осуществляются «экстралегальные воздействия»¹⁷, оно все более отчуждено от человека как субъекта этнической/национальной культуры: «Переходит в практическую плоскость вопрос об использовании роботов в качестве судей, что приведет к наделению их статусом субъектов правоприменения» [Пашенцев Д.А., 2020: 45–46]. Недаром Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях настаивает на контроле пользователя: «Отказаться от предписывающего подхода и позволить пользователю выступать информированным участником и контролировать свой выбор»¹⁸.

Человек в постиндустриальных обществах помимо своей воли превращается во фрагмент информационной тотальности. В контексте революционизирования информационно-коммуникационной среды, вовлечения в производственные отношения искусственного интеллекта, социальных роботов, инновационных биотехнологий наблюдается тенденция размывания ранее четко распознаваемых онтологических признаков человека. Так, избавление от заболеваний путем вмешательства в репродукцию, зародышевый и наследственный материал человеческих гамет, эмбрионы¹⁹, а в обозримом будущем — и вероятность физического клонирования с последующим внедрением прижизненных воспоминаний («синкординга»), сформировавшемуся клону, и другие манипуляции, с одной стороны, увеличивают технологическую обеспеченность человека,

¹⁶ См.: Гусейнов А.И. Право как феномен культуры. Дис... д.ю.н. М., 2007. 410 с.

¹⁷ Социологическая школа права в контексте современной юриспруденции / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб., 2022. С. 10.

¹⁸ Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 03.12.2018–04.12.2018). Available at: <https://clck.ru/3CfNes> (дата обращения: 15.09.2024)

¹⁹ См.: Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации 18.04.1999. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21388> (дата обращения: 15.09.2024)

а с другой — усиливают «чувство беспомощности»²⁰. Вне возможности культурной самоидентификации («цифра» аннигилирует антропологическую самость [Павлов В.И., 2011: 5]) правовой статус человека становится все более фиктивным: поскольку личные данные и поведение пользователей становятся объектами тотального контроля и манипуляции, алгоритмы и технологии сбора информации определяют многие аспекты жизни. В конечном счете индивидуум теряет свободу воли, возможность самостоятельно принимать решения и даже не понимает, что его выбор становится предсказуем и управляем.

4. Уровни и направления социокультурной гармонизации права

Гармонизация основных социокультурных характеристик права осуществляется на международном (глобальном, транснациональном, региональном), национальном (федеральном, субъектовом) и локальном (местном) уровнях. При всей обоснованной критике международного права, правовые акты ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций по-прежнему являются необходимым критерием соблюдения «принципов равноправия и самоопределения народов, уважения их культуры»²¹; многие правовые акты региональных союзов призваны «углубить солидарность между своими народами при уважении их истории, культуры и традиций»²². На уровне демократических стран право гармонизируется посредством многоуровневого конституционного и текущего законодательства, правоприменительной систем (показателен опыт национальных и национально-территориальных федераций). Локальный уровень правовых актов местного управления/самоуправления отражает возможности сближения правовых установок людей в их повседневном, порой, многовековом соседстве на уровне местных сообществ. Социокультурные особенности права разных уровней имеют взаимную направленность и влияние, хотя, как правило, более развитые правовые цивилизации приносят стандарты (модели поведения), прежде всего связанные с передовыми производственными отно-

²⁰ См.: Ясперс К. Духовная ситуация времени. Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/YASPERS/time.txt> (дата обращения: 15.09.2024)

²¹ См.: Устав ООН, подписан 26.06.1945. Available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.09.2024)

²² См.: Договор о Европейском союзе 07.02.1992. Available at: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 15.09.2024)

шениями, в религиозные/традиционные представления о правовой организации жизни доиндустриальных сообществ.

Право как социокультурный феномен тесно связано с религией, которая в ходе исторического развития приобрела секуляризированные формы. Но далеко не все религии разделяют совместимые догматы и ценности. Например, христианство и буддизм имеют коренные различия: в буддизме отсутствует фундаментальный постулат авраамических учений об абсолютном начале человека — душе, произведенной всемогущим Богом. Отсюда следует, что буддистская культура не воспринимает философского (на деле христианского) обоснования фундаментальных правовых актов, закрепляющих права и свободы человека. Кроме того, буддизм, поскольку его «благородные истины» в том числе проповедуют избавление от желаний, вряд ли может стать мировоззренческим фундаментом правового регулирования общества потребления или составить альтернативу иудео-христианской культурной основе отраслей права, обслуживающих рыночную экономику. В связи с этим «международно-правовой потенциал буддизма остается во многом нереализованным, даже по сравнению с аналогичным потенциалом ислама. Буддистские межправительственные организации отсутствуют; программные документы, отражающие, например, буддистское видение прав человека, не приняты; разработка международной проблематики осуществляется ... преимущественно в политологическом ключе» [Толстых В.Л., 2023: 24].

Тем не менее гармонизация как принципиальная позиция для разрешения юридических конфликтов свойственна многим восточным культурам. Например, в Китае и Японии, а также в некоторых других странах Юго-Восточной Азии традиционно существуют правовые установки, порицающие обращение к государственному закону и определяющие такой поступок как недостойный благородного человека. Этика (буддистская, синтоистская) требует разрешать споры путем восстановления социального мира и порядка, не прибегая к публичному суду, в котором одна из соревнующихся сторон может «потерять лицо». Внесудебный компромисс может не соответствовать требованиям рациональности, но восстанавливает гармонию отношений: типичная консультационная оговорка в японских контрактах гласит, что «если в будущем между сторонами возникнет спор в отношении прав и обязанностей, предусмотренных соглашением, стороны урегулируют все споры гармонично и добросовестно путем консультаций». Даже в современной китайской социалистической правовой системе суд зачастую воспринимается как «территория мести и последнее средство». Споры решаются прежде всего

медиацией; на любом уровне разбирательства можно и нужно договариваться. Органы власти также стараются не сразу применять административные меры, а сначала попытаться договориться до суда [Трощинский П.В., 2022: 13].

Попыткой адаптации Всеобщей декларации прав человека (1948) явилась Каирская декларация о правах человека в исламе (1990). Каирская декларация выражает исламскую точку зрения на права человека и дает «общие указания государствам-членам Организации исламского сотрудничества в области прав человека». Декларация подтверждает многие права, гарантированные Всеобщей декларацией, но следует аутентичным понятиям мусульман о Всевышнем, пророках, дозволениях, человеке (мужчине и женщине) и т.д. Документ подтверждает неравенства, закрепленные фикхом и религиозной традицией в семейных, политических и других сферах общества. Так, утверждение, что «женщина равноправна с мужчиной в человеческом достоинстве и наделена как правами, так и обязанностями», корректируются указанием на «самостоятельный гражданский статус женщин»²³, что, очевидно, не тождественно формальному равенству, имеющему христианские корни: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе (Гал. 3:28-29). Указанное противоречие на доктринальном уровне неразрешимо, ибо «если западная теория ... ищет истоки права в природе людей ... то принципиальная черта исламской правовой концепции заключается в том, что источником прав и свобод, наоборот, признается шариат, «божественный закон»» [Сюкийянен Л.Р., 2021: 352].

Трансформация основных свойств права под воздействием экономического фактора, зачастую наиболее мощного в современном социуме, накладывается на его глубинные религиозно-культурные основания: «протестантизм и дух капитализма» соседствуют и кооперируются с иной «хозяйственной этикой мировых религий» [Вебер М., 1990: 56]; формируются причудливые сочетания конфуцианского порядка и особым образом вестернизированной правовой системы КНР²⁴; руководство Республики Индии с ее провозглашенными в Преамбуле Конституции²⁵ социалистическими конституционными

²³ См.: Каирская декларация прав человека от 05.08.1990. Available at: <https://clck.ru/3DRrTe> (дата обращения: 10.04.2024)

²⁴ См.: Трощинский П.В. Правовая система Китая. М., 2016. 472 с.

²⁵ См.: Constitution of India. Available at: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6771> (дата обращения: 05.02.2025)

принципами и кастовыми пережитками на местах вступает в международно-правовые отношения, учитывая постулаты духовных индуистских практик и т.д.²⁶ Исследования каждого из уровней и направлений гармонизации (согласования) права — предмет многочисленных, специальных юридических исследований, квинтэссенцией которых может быть утверждение ценности поликультурного развития права как отражения многообразия социумов и лиц, их составляющих.

5. Гуманизм как основа гармонизации права

Право функционирует в условиях социокультурной неоднородности: перманентно создаются и отмирают стереотипы поведения, трансформируются ценности, развиваются «гибридные» регулятивные системы, в которых правосознание, законодательство и правоприменение, выработанные современной правовой цивилизацией, соседствуют и естественно согласуются с иными порядками жизни (например, автохтонных народов, их способами и процедурами разрешения конфликтов), в конечном счете, отношением к человеку. На деле большинство основанных на принципах транснационального конституционализма (права человека — основа глобального правопорядка) современных национальных правовых систем, хотя и не без издержек, сохраняют динамическую стабильность, поскольку представители самых разных сообществ, в том числе воспитанных в альтернативных культурах, так или иначе, благодаря тем же цифровым технологиям, глобальной экономике, вполне социализированы: имеют признаваемые удостоверения личности, конвертируемые дипломы об образовании, востребованные трудовые навыки и, главное, поведение, соответствующее опробованному общественной практикой «самодействующему порядку общества».

Существуют крайности: носители субкультур, прежде всего религиозные фундаменталисты и ультра-традиционалисты, строят свою идентичность посредством утверждения своего превосходства; не признают регуляторов, кроме религиозных/традиционных; отрицают нормы международного права, конституции светских государств, права женщин и разнообразных меньшинств; требуют особых условий; отвергают значимость искусства, научных достижений и т.п., в целом выступают против мирного сосуществования с атеистами и

²⁶ «Я — индуистский националист»: Премьер-министр Индии Нарендра Моди — в 10 цитатах. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5481404#id=5> (дата обращения: 15.09.2024)

«инородцами». Такие крайности в том числе порождают экстремизм и терроризм, против которых зачастую бессильны обычные меры юридической ответственности²⁷. Девиации доправовых или антиправовых культур могут быть на какое-то время «задавлены» экстраординарными мерами государственного принуждения, однако «можно привести немало примеров так называемого попятного движения, когда развал непрочных, сшитых на живую нитку военного насилия ранних государств отбрасывал племена, в них втянутые, к родоплеменному быту, традиционным обычаям и потестарным структурам» [Мальцев Г.В., 2016: 460]. «Не дозревшие» до правовой организации социумы (это не касается отдельных индивидов) вряд ли возможно ввести в рамки современных правовых систем.

Правовая цивилизация может отрицаться не только невежественными, но и отдельными высокообразованными носителями «иной» социально-культурной традиции — в том числе из бывших колоний или национальных окраин. В таком случае леволиберальная идея прав человека, т.е. в конечном итоге «идея равенства людей независимо от их принадлежности к конкретному государству, этносу, нации, религиозной или социальной общности и т.д.»²⁸ не срабатывает. Отсюда востребованность правопопулистских идей разрешения вопросов культурно-цивилизационных конфликтов через полный запрет миграции и прозелитизма, жесткие визовые меры и даже сецессию субъектов федерации, вызванные невозможностью примирить культуры, признающие человека, его права и свободы высшей ценностью, и отрицающие «человекоцентризм», обнаруживающие в человеке только средство достижения узкодогматических целей²⁹. Все же при всех хорошо известных издержках «общегуманистического настроения на партнерство»³⁰, непрерывная, последовательная работа законодателя и правоприменителя, направленная на «движение человечества к глобальному союзу» [Зорькин В.Д., 2016: 8], гораздо ближе к вектору достижения и поддержания социального мира, нежели построение автаркических утопий.

²⁷ См.: Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 52–55.

²⁸ См.: Зорькин В.Д. Нам предстоит найти работающие концепции интеграции этносообществ в государство...

²⁹ См.: Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М., 2016. 560 с.

³⁰ Бондарь Н.С. Конфликт культур современных судебно-правовых систем: социальная справедливость или экономический прагматизм? / Доклад на Пленарном заседании XXI Международных Лихачевских научных чтений. 25.05.2023. Available at: <https://clck.ru/3CfJoa> (дата обращения: 15.09.2024)

Невозможно автоматически распространять нормы, выработанные современной правовой цивилизацией (гуманистические принципы, права человека, дозволения и запреты), на любые формы объединения личностей и их способы регулирования отношений. Правоприменительная практика демонстрирует недостатки современных централизованных юридических систем: «Наличие закона зачастую считается решением проблемы» [Хабриева Т. Я., 2009: 24]. При этом упускается из виду, что только практика, длительная и успешная реализация способна содействовать гармонизации характеристик права, проявляющихся в поведении представителей различных культур. Полной гармонизации характеристик права, согласия по всем или даже по большинству правил поведения ни законодательству Древнего Рима, ни религиозным социально-правовым доктринам, ни системе социалистической законности Советского Союза достичь не удалось: законность, религия, идеология не только объединяют лиц различных взглядов, но и провоцируют их противостояния. Очевидно, что центром согласия может быть сам человек, отсюда весь пафос, сформированных после мировых катастроф прошлого века, международно-правовых норм: Устава ООН, Международного билля о правах человека и др.

Гармонизация конфликтных характеристик права (сопряженных с ним норм и практик) по-прежнему мыслима лишь при их приведении к общему знаменателю, благодаря которому достигим относительный социальный мир. Нюансы культуры усложняют согласование правил общежития, но не делают невозможным; пределом, за которым наступает хаос антиправового общества, является отношение к человеку и его жизни: «человекоцентризм» следует понимать не в качестве эвфемизма вседозволенности, но в качестве синонима гуманизма, ориентированного на «достоинство, присущее всем членам человеческой семьи»³¹. Распознаваемые по признаку отсутствия признания права на «жизнь, свободу, личную неприкосновенность» социокультурные особенности должны изживаться; прочие, принципиально согласуемые в обществе, реализующем принцип «*Quod licet Iovi, non licet bovi*» (лат. «разрешено все, что не запрещено»), — культивироваться. Абсолютного примирения конфликтных взглядов на право и гуманизм, видимо, достичь не удастся, но в каждом случае мы можем руководствоваться идеей, согласно которой «любые цивилизационные ценности хороши среди живых, а не среди мертвых».

³¹ См.: Всеобщая декларация прав человека / Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948.

Права и свободы человека по-прежнему определяют уровень прогресса современных правовых цивилизаций, находящихся в состоянии постоянной трансформации, конвергенции и жесткой конкуренции (временами, кризиса): социальные регуляторы, сложившиеся в светских индустриальных и постиндустриальных обществах, проникают в быт локальных сообществ экономически отсталых стран, а целые районы европейских городов следуют нормам, сформированным социокультурной средой мигрантов из аграрных, зачастую глубоко религиозных (исламских, буддийских, индуистских и пр.) регионов Земного шара. Проблемой является асинхронность взглядов на человека, его права и свободы [Сюкияйнен Л.Р., 2013: 149–174]. Аргументируется мнение, согласно которому «для многих самобытных цивилизаций современности достижения европейцев порой имеют оскорбительный характер и в антропологическом плане сопрягаются с унижением» [Небрятенко Г.Г., 2010: 14]. При этом из виду упускаются цели пребывания приверженцев «оскорбленной и униженной» цивилизации в странах с более высоким уровнем жизни, созданном в том числе благодаря культурно-правовым отличиям.

Не исключено, что воплощение принципа технологического детерминизма вскоре откроет доступные средства модификации антропологических свойств человека (тела, интеллекта), тогда, например, генетические коррекции приведут к радикальным различиям между разновидностями Homo совсем иного уровня, нежели религиозные, этнические или кастовые. Вероятно, появятся особи с «исправленной» природой, и человек потеряет свойства однородного субъекта; легализуются новые лица нормативного регулирования (высшие животные, искусственный интеллект и т.п.); будут востребованы неизвестные ныне инновационные регуляторы, этика трансгуманизма.

Заключение

Право в качестве социокультурного явления перманентно диверсифицируется под воздействием общественной практики, столетиями возвращающей общепризнанные нормы поведения и способы разрешения этнических, религиозных и других конфликтов. Однако современные международные акты, либеральные конституции и национальное законодательство не в должной мере решают проблемы «столкновения цивилизаций», порой оказываются малоэффективными в налаживании диалога и обретении социального консенсуса в глобальном мире, где мобильное население стран с преобладающим

традиционным и/или религиозным сознанием значительно возросло, в то время как индустриальные и постиндустриальные сообщества испытывают демографический кризис.

Конфликт цивилизаций принципиально возможно разрешить посредством правовых актов, механизмов правовой медиации, судебных и административных процедур различного уровня. В то же время наиболее острые проблемы современного права, проявляющиеся в противостоянии крайностям антигуманистических социально-культурных девиаций, во многом обусловлены непоследовательностью правоприменения, влиянием на него политических и экономических интересов. Гармонизация конфликтных характеристик права на основе выработки и реализации общепризнанных норм наиболее эффективна на уровне локальных сообществ: *ad hoc* (лат. «для данного случая»), однако в целях защиты собственной культурной идентичности социумов, развивших правовые цивилизации, в том числе предполагает императивно-принудительное исполнение требования уважения жизни, свободы и личной неприкосновенности каждого человека. Для этого необходима воля ответственной перед нынешним и будущими поколениями публичной власти, поскольку: «*Ubi societas, ibi jus est*» (лат. «где есть общество, есть и закон»).

Список источников

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 944 с.
2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Норма, 1998. 624 с.
3. Вагнер П. Макс Вебер и модерн XXI века // Социологическое обозрение. 2019. Том 18. № 4. С. 212–230. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-4-212-230
4. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 656 с.
5. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М.: Норма, 2016. 416 с.
6. Кардозо Б. Природа судейской деятельности. М.: Статут, 2017. 112 с.
7. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Российская академия правосудия, 2012. 578 с.
8. Маркс К. Введение. Производство, потребление, распределение, обмен (обращение) / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 28-36.
9. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М.: Норма, 2012. 735 с.
10. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М.: Норма, 2016. 608 с.
11. Монтескье Ш. О духе законов: Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 803 с.

12. Небрятенко Г.Г. Доктрина правовой семьи традиционного (обычного) права: современное состояние и перспективы модернизации // *Философия права*, 2010, № 5. С. 10–14.
13. Павлов В.И. От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права. Минск: Академия МВД, 2011. 319 с.
14. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // *Вестник СПбГУ. Право*. 2020. Том 11. Вып. 1. С. 35–49. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.103>
15. Рицер Дж. Макдональдизация общества. М.: Практикс, 2011. 592 с.
16. Розанов В.В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... М.: Республика, 1997. 671 с.
17. Скакун О.Ф. Общее сравнительное правоведение: Основные типы (семьи) правовых систем мира. Киев: Ин Юре, 2008. 460 с.
18. Скиннер К. Мотивы, намерения и интерпретация текстов / Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 123–142.
19. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М.: ВШЭ, 2021. 684 с.
20. Тайлор Эд. Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации). СПб: Билибин и К, 1882. 437 с.
21. Толстых В.Л. Буддизм и международное право // *Российский юридический журнал*. 2023. № 5. С. 7–26.
22. Трощинский П.В. В Китае суд—территория мести. Угрожать судом — значит фактически объявить войну // *Закон*. 2022. № 5. С. 8–15.
23. Усовская Э. А. Постмодернизм. Минск: Тетрасистемс, 2006. 252 с.
24. Хабриева Т.Я. Правовое измерение научного прогресса // *Журнал российского права*. 2009. № 8. С. 14–24.
25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
26. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
27. Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб.: Консорциум, 2011. 704 с.
28. Kalman L. *Legal Realism at Yale, 1927–1960*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. 326 p.

References

1. Bell D. (2004) *The coming postindustrial society. Experience in social forecasting*. Moscow: Academia, 944 p. (in Russ.)
2. Berman G. (1998) *Western tradition of law: era of formation*. Moscow: Norma, 624 p. (in Russ.)
3. Cardoso B. (2017) *The nature of judicial activity*. Moscow: Statut, 112 p. (in Russ.)
4. Ehrlich O. (2011) *Basics of sociology of law*. Saint Petersburg: Consortium, 704 p. (in Russ.)
5. Huntington S. (2003) *Clash of civilizations*. Moscow: AST, 603 p. (in Russ.)
6. Kalman L. (2016) *Legal realism at Yale, 1927–1960*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 326 p.

7. Khabrieva T. Ya. (2009) Legal dimension of scientific progress. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 8, pp. 14–24 (in Russ.)
 8. Lapaeva V.V. (2012) *Types of legal understanding: theory and practice*. Moscow: Russian Academy of Justice, 578 p. (in Russ.)
 9. Maltsev G.V. (2012) *Revenge and retribution in ancient law*. Moscow: Norma, 735 p. (in Russ.)
 10. Maltsev G.V. (2016) *Cultural traditions of law*. Moscow: Norma, 608 p. (in Russ.)
 11. Marx K. (1968) Production, consumption, distribution, exchange (circulation). In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 46. Moscow: Politizdat, pp. 28–36 (in Russ.)
 12. Montesquieu S. (1955) *On the spirit of laws*. Moscow: Politizdat, 803 p. (in Russ.)
 13. Nebratenko G.G. (2010) Doctrine of family of traditional (customary) law: state and prospects for modernization. *Filosofia prava*=Philosophy of Law, no. 5, pp. 10–14 (in Russ.)
 14. Pashentsev D.A. (2020) Law enforcement in the conditions of digitalization of public relations. *Vestnik Sankt-Peterbutgskogo Universiteta. Pravo*=Bulletin of Saint Petersburg University. Law, no. 1, pp. 35–49 (in Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.103>
 15. Pavlov V.I. (2011) From classical to non-classical legal discourse. Essays on theory and philosophy of law. Minsk: Academy of Internal, 319 p. (in Russ.)
 16. Ritser J. (2011) McDonaldization of society. Moscow: Praxis, 592 p. (in Russ.)
 17. Rozanov V.V. (1997) Collected works. When the authorities have left. Moscow: Respublika, 671 p. (in Russ.)
 18. Schumpeter J.A. (2008) *Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Eksmo, 864 p. (in Russ.)
 19. Skakun O.F. (2008) General comparative jurisprudence: main types (families) of world legal systems. Kiev: In Yure Press, 460 p. (in Russ.)
 20. Skinner K. (2023) Motives, intentions and the interpretation of texts. In: Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History. Moscow: New Literary Review, pp. 123-142 (in Russ.)
 21. Syukiyainen L.R. (2021) *Islamic law and dialog of cultures in the modern world*. Moscow: HSE, 684 p. (in Russ.)
 22. Tylor E. (1882) Anthropology (introduction to the study of man and civilization). Saint Petersburg: Bilibin, 437 p. (in Russ.)
 23. Tolstykh V.L. (2023) Buddhism and international law. *Rossiyskiy juridicheskiy zhurnal*=Russian Law Journal, no. 5, pp. 7–26 (in Russ.)
 24. Troshchinsky P.V. (2022) In China the court is territory of revenge. To threaten by court means actually to declare war. *Zakon*=Law, no. 5, pp. 8–15 (in Russ.)
 25. Usovskaya E. A. (2006) *Postmodernism*. Minsk: Tetrasystems, 252 p. (in Russ.)
 26. Wagner P. (2019) Max Weber and modernity of the XXI century. *Sociological Review*, no. 4, pp. 212–230. DOI: 10.17323/1728-192x-2019-4-212-230
 27. Weber M. (2017) *Protestant ethics and spirit of capitalism*. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 656 p. (in Russ.)
 28. Zorkin V.D. (2016) *Civilization of law and development of Russia*. Moscow: Norma, 416 p. (in Russ.)
-

Информация об авторе:

И.В. Левакин — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

I.V. Levakin — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to editorial office 24.09.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.